

Интересны в собрании Тимина частушки, отражающие события местной жизни и местные реалии, например традиционное соперничество молодежи соседних деревень:

На Бурнаковку идти —
Идти мимо леса,
А бурнаковских любить
Мало интереса (15—28; 1926 г., г. Нижний Новгород, Сормово).

И, конечно, особого анализа заслуживает основной состав коллекции — частушка любовная.

Свое собрание И.И. Тимин предполагал, вероятно в 1920-е гг., опубликовать в виде сборника. Есть в коллекции план сборника и вступительной статьи к нему, а также строчка с пометой «эпиграф». Предпринимал ли он попытку осуществить задуманное издание, неизвестно. Скорее всего, нет. Безусловно, он понимал, что его собрание не соответствовало духу времени. Знал, конечно, что в 1930-е и послевоенные годы было даже небезопасно хранить собранные им частушки. В 1930-е годы на страницах нижегородских газет часто появлялись тематические подборки «советских» частушек. Публикаций Тимина среди них нет. В настоящее время пришло время опубликовать собрание в полном виде.

Примечания

¹ В собрании имеется черновик письма в какое-то московское издательство, в котором И.И. сообщает, что посылает частушки, записанные в 1914—1920 гг. Судьба этого собрания неизвестна.

² В Богородске и окрестных селениях сделаны записи в 1920-е гг.

³ С Кулебаками связаны записи 1930-х гг. География записей этих лет шире, чем богородских: вероятно, в техникуме обучалась молодежь из разных районов области, соседних областей и даже более отдаленных, поэтому в собрании появились частушки из Владимирской, Костромской, Ивановской областей, со Средней Волги, Алтая и т.д., но они немногочисленны. Разными районами представлена и Горьковская область.

⁴ Есть в собрании записи частушек, сделанные 19 и 29 декабря 1928 г. в г. Павлово учениками «группы III» — 11 листов из школьной тетради, на каждом по 4-5 текстов. Можно предположить, что при какой-то встрече с пав-

ловскими учениками И.И. Тимин предложил им записать то, что они знают.

⁵ Некоторые ученики, увлекшись собиранием в школе, продолжили представлять учителю частушки и позднее. Так, в собрании имеется несколько рукописей Лиды Астраханцевой, одна с припиской: «Пока все. Но надеюсь, что смогу достать еще, и тогда пришлю Вам. Лида Астраханцева», а также черновик ответа ей Тимина. В одной рукописи есть приписка: «Тов. Тимин! Пересылаю Вам частушки непереписанные, не знаю, поймете ли что-нибудь. Если не разберете — оставьте в витрине. В свободное время перепишу. Цветкова. 19.08.25».

⁶ Например: «Мима милого я дома втихомо / лу не пойду либо вскрикну либо / свисну либо песинку спою».

⁷ Камеральную обработку собрания и оцифровку текстов провела лаборант Центра фольклора ННГУ Е. Жданова, она же помогла автору в техническом оформлении ссылок и подборе иллюстраций, за что выражаю ей благодарность.

⁸ В собрании есть вырезка с частушками из газеты, название которой и дата выхода не указаны.

⁹ Первая цифра в ссылке обозначает номер рукописи в собрании Тимина; вторая цифра — номер текста в рукописи.

¹⁰ Населенный пункт не указан. Здесь и далее конкретный населенный пункт не указывается при отсутствии сведений о нем в рукописи.

¹¹ В вариантах эта же частушка связывается с Деникиным: «Гонит, гонит / Нас Деникин / По пыльной дороженьке, / Догоняет до Казани (Подгоняет под Царицын), / Подкосились ноженьки» (19—208, 209; дата и место записи не указаны).

¹² Частушка представлена в собрании несколькими вариантами, меняются две первые строчки, например: «Мой товарищ в плен попался, / Я с горы тогда упал...» (50—38; 1928 г., Кулебакский р-н, Размазлей).

¹³ Частушка встречается в нескольких вариантах, которые различаются двумя последними строчками: «...Долой попов, / Даешь Ленина!»; «...Нам не надо попов, / Надо Ленина!»; «...Нам не надо попов, / Надо Рыкова!» и т.д.

¹⁴ Богородское — волостное село, где находился призывной пункт.

¹⁵ «По лесу шатается» — речь идет, вероятно, о лесозаготовительных работах, куда направляли комсомольцев и коммунистов.

¹⁶ В вариантах эта частушка может быть связана с пионерами: «Пионеры-лодыри...»

А.Н. ВЛАСОВ,
М.В. АХМЕТОВА

ТИМОФЕЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ
АЖГИБКОВ:

ПОРТРЕТ ЛОКАЛЬНОГО
БЫТОПИСАТЕЛЯ

Записи фольклорных фактов, во множестве хранящиеся в местных краеведческих, школьных музеях, библиотеках, клубах, просто в домах краеведов и любителей старины, всегда были в поле зрения фольклористов, но всё же оставались на периферии собирательской практики. Причиной тому — непрофессиональный подход к записи фольклорного текста или этнографического репортажа местным собирателем (любителем, краеведом), который иногда вмешивался в текст с целью «улучшить» его и зачастую игнорировал данные об информантах и указания на место записи. Поэтому, как правило, мало что из этих записей попадает в серьезные фольклористические издания, но их широко публикуют в массовых исторических изданиях и серийных сборниках, местной печати.

Со второй половины XX в. тетради с записями текстов (репертуарные сборники), семейные записи на магнитофон (позднее на видео) и т.д. приобрели характер массового явления. Само по себе это заслуживает внимательного отношения со стороны исследователей и следует характеризовать как процесс саморефлексии традиции. Несомненно, включение этих записей в процесс научного осмысления фольклорного материала той или иной местной традиции требует его серьезной историко-филологической интерпретации, подразумевающей в числе прочего обнаружение текстовых взаимосвязей и контекстуальных параллелей с конкретной традицией в целом.

В ряду известных нам имен местных краеведов и собирателей¹ на Русском Севере в XX в. можно назвать Тимофея Васильевича Ажгибкова (1914—1994) —

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ВЛАСОВ, доктор филол. наук; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург); МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА АХМЕТОВА, канд. филол. наук; Гос. республиканский центр русского фольклора (Москва)

педагога, оставившего по себе благодарную память «добрых людей Верховажья и хороших учеников»². Жизнь Т.В. Ажгибкова в какой-то мере и типична, и необыкновенна для людей его поколения, она почти совпадает по времени с периодом существования Советского государства. Ажгибков родился в начале Первой мировой войны, за три года до революции в глухой северной деревне Калитинке Каргопольского уезда Архангельской губернии, где жил до 12 лет. Там же пошел в начальную школу. Затем был направлен в Ошевенскую школу крестьянской молодежи, а после ее окончания поступил в Вологодский промышленно-экономический техникум (по другим сведениям — в Каргопольский педагогический техникум). В августе 1932 г. сдал экзамены в Вологодский гос. педагогический институт и в 1936 г. получил диплом об окончании факультета литературы и языка. Учительскую деятельность начал в средней школе Лешуконского района Архангельской обл., в 1939 г. переведен в Емецкое педагогическое училище и в том же году был призван в Красную армию. В самом начале войны, осенью 1941 г., под Киевом попал в окружение и до самого окончания войны был в плену. После освобождения из плена в апреле 1945 г. был вскоре уволен из армии и осенью того же года продолжил педагогическую работу в средней школе с. Верховажья Вологодской обл., где проработал почти до самой смерти.

О семье Тимофея Васильевича известно немного. В своей автобиографии он пишет о матери и двух младших братьях, упоминает, что один из них офицер. До войны он состоял в браке с Таисией Ивановной (фамилия неизвестна), у них был сын Юрий (1937 г.р.). После войны он оставил семью и переехал в Верховажье к Лидии Ивановне Дружининской, с которой был знаком с 1939 г. Прожили они вместе недолго, вторая жена, которую он очень любил, умерла в 1953 г. Детей от второго брака не было. После смерти Лидии Ивановны Тимофей Васильевич остался жить в доме ее старшей сестры Александры Ивановны, умершей в 1989 г.³ После смерти А.И. Дружининской в 1991 г. он переезжает в Каргополь в дом-интернат для инвалидов и участников войны. Там Тимофей Васильевич приводит в порядок свои старые записи и дополняет новыми. К этому же периоду относится и его увлечение рисованием. О пребывании в Каргополе и своем душевном состоянии он оставил небольшую заметку в стихотворной форме «Мой поиск»:

Я один — одинокий. И со мною
Нет души, чтоб была близка.
Потому и бывает порою
Обнимает меня тоска.
Но гоню я свои невзгоды
И тоску отгоняю прочь.
Испытал я за многие годы,
Только радость может помочь.
И весенних деньков сияние,
И веселая песня в пути!
И могу я в случайном свидании
Эту душу родную найти.
Ту родную, с которой вместе
Можно дальше по жизни идти.
Говорить мне смешно о невесте,
А подругу надо найти! (10 апреля
1993 г., «Год моего пребывания в Каргополе»).

Свое «творческое наследие» Т.В. Ажгибков передал в конце жизни в Верховажский районный исторический музей (далее — ВРИМ)⁴. Архивные материалы содержат около 30 рукописных тетрадей с записями автора, рисунки⁵ и поделки из дерева и глины⁶.

К наиболее ранним записям, прошедшим авторскую правку в 1990-е гг., относятся довоенные стихи, «записки» и дневники 1926—1934 гг. (с 12 до 20 лет), письма к Лидии Ивановне 1939—1941 гг.⁷; рукопись (ВРИМ, № 5058) «Путь простого человека» (I часть, 1941—1944 гг. — заметки, очерки, мысли и воспоминания) и ее продолжение («Путь простого человека» 1945 год. II часть). Среди этих тетрадок находим больше десятка под общим заглавием «Мы слушаем радио» (с подзаголовками «Краткие заметки», «О некоторых проблемах наших дней», «Мой новый дневник») за 1975—1976 гг.

Краеведческие работы Ажгибкова озаглавлены: «Верховажье в конце XIX — начале XX вв. (социальный и культурно-бытовой очерк 22 года жизни 1895—1917 гг.)» (1969—1970 гг.), «Материалы и документы крестьянской семьи Головачевых — Дружининских, II половина XIX и I половина XX в. (о людях близких и родных)» (1970—1971 гг.; ВРИМ, № 5057)⁸. Вторая тетрадь, очевидно, представляет собой продолжение предыдущей.

В предисловии к первой рукописи он так определяет принципы повествования и цель своих сочинений: «Мой очерк составлен по рассказам-воспоминаниям старожилов. Ничего не взято из книг, кроме двух справок: а) первая о купцах посада Верховажского из книги "Вся Россия" от 1895 г.; б) вторая из "Памятной книжки Вологодской губернии на 1915 г." о посадском управлении, почтовых чиновниках и сиротском суде. Я не ставил себе цель искать где-то в книгах сведения

о посаде и переписывать чужие исследования в свой очерк. Я расспрашивал людей, которые имели и имеют живые впечатления о посаде, о жизни и быте посада. Сведения собирались по крупицам. Я пытался их поставить в какую-то странную систему по соответствующим разделам. Но все равно получился очерк "мозаичный". Мною ничего не выдуманно и не сочинено. Считаю, что все написанное здесь — правда. И в самом деле: зачем старым людям, вспоминаям своим молодость, было мне лгать. Я им полностью верил. Если в чем-либо память их ошибалась, такая ошибка могла войти и в очерк. В редких случаях это не исключено...»⁹.

Рукопись о Верховажском посаде состоит из нескольких небольших и разных по тематике очерков и воспоминаний старожилов, записанных с их слов составителем: «Ярмарка», «Внешний вид посада», «Культура Верховажья», «Воспоминания Павла Петровича Обнорского», «Философия людей того времени», «Сказание» (легенда о выдающемся верховажском колокольном звоне); «Погром церквей», «Мещане»; «Купцы посада» и др. Воспоминания старожилов включались в тот или иной очерк в качестве отдельных эпизодов или составных частей с указанием имени рассказчика. Поэтому эти очерки представляют собой в стилистическом и композиционном плане авторский текст Т.В. Ажгибкова.

К периоду жизни Тимофея Васильевича в Каргополе относятся «Рассказы бабушки Вари»¹⁰ и несколько тетрадок с записями дневникового характера: «Случай... с моим именем (случай смешные, неясные, неожиданные)», представляющие собой воспоминания и очерки из собственной жизни, вырезки из газет и комментарии к ним; тетрадь с назидательными сентенциями на тему: «Пьянству — Бой!!!» (с подзаголовком «Есть ли предел пьянству?») 1994 г. (ВРИМ, № 28); подобного же рода тетрадь (№ 29) под общим названием «Политический базар», составленная в 1993 г.; а также тетрадь с газетными вырезками под названием «Волна» (название газеты) и комментариями к ним (№ 23); тетрадь без названия с сатирическими заметками (№ 27); подборка стихов на тему «Я против Сталина».

Все эти разнообразные в жанровом отношении сочинения Т.В. Ажгибкова за немногими исключениями проникнуты глубоким личным чувством к событиям и людям, попавшим в его поле зрения. Доминирующим признаком его повествовательной манеры остается дневни-

Т.В. Ажгибков. «Событие это было в воскресенье...». Начало 1990-х гг. Подпись на рисунке: «Событие это было в воскресенье 2 августа 1987 г. в Верховажье. В 15 ч. 00 мин. по селу важно шагали... американские брюки с американскими звездами (см. на рисунке). Они оглядывались направо и налево: любят ли ими. Я смотрел с удивлением: что бы это значило и зачем? Брюки прошли довольно быстро, так что я не успел сосчитать всех звезд в точности. Бабенка шла браво; некрасива, неизвестна, незнакома, ничем не знаменита. Никогда бы внимания она не привлекла! Но... шли с нею потрясающие брюки. Если из США привезены в Архангельск контрабандой, то им просто цены нет! Там куплены за 10 долларов, здесь куплены за 200 рублей. И еще хуже, если по американскому образу сшиты на дому расторопной портнихой для хорошего заработка!..»

←

Т.В. Ажгибков. «Веселый этюд! (В пику Малевичу)». Начало 1990-х гг.

ковая запись или «заметка». Толчком к сочинительству подобных заметок зачастую являлся внешний повод. Это, как правило, реакция на политические события в стране, нашедшие отражение в массовой печати и радиопередачах.

Особое место в архиве Ажгибкова занимают его рисунки и аппликации, выполненные, по мнению А.В. Завьяловой, в известной стилиевой манере живописного «наива»¹¹ — с чем, впрочем, согласиться сложно. Среди художественных работ привлекают внимание пародии: «Пародия на Малевича» («Черный квадрат») (ВРИМ, № 4876) без даты; «Авангард» (ВРИМ, № 4863) 1993 г.; «Портрет Макарова» (ВРИМ, № 4837); «Событие это было в воскресенье...» (ВРИМ, без номера) 1990-х гг.; «Реклама» (ВРИМ, № 4880) 1993 г.; «Продолжение пародии» (ВРИМ, № 4881); аппликация «Казимир Малевич позеленел бы от завести [так!]» (ВРИМ, № 4815) 1990-х гг.; «Точный портрет в полный рост Кандинского Василия Васильевича (1866—1944) — русского мазилки — абст[р]акциониста. Очень похож!» (ВРИМ, без номера) 1990-х гг.; «Веселый этюд! (В пику Малевичу)» (ВРИМ, без номера) 1990-х гг.; «Андрюша В. в квартире посла США в СССР Джека Мэтлока. Фото Реббеки Мэттлок» (ВРИМ, без номера) без даты. Подписи автора на самих работах и на обороте — характерная черта творческой манеры

Ажгибкова-«художника». Некоторые из них выражают его негативное отношение к политическим фигурам и событиям, к современной моде, к направлениям в живописи XX в. (например, к «Пародии на Малевича»: «Образец супрематизма — "черный квадрат". Для изготовления его не требуется выучки, длительно-го труда, усердия, чувства красоты и социальной мысли. Геометрические "композиции", конечно, посложней, но и их может выполнить любой маляр, — не будем ругаться, а скажем точными словами, любая бездарь, каждый болван, любой дурак и бессовестный хам. Ну а уж на выставку принести может оголтелый наглец»).

Выходец из крестьянской семьи и всю жизнь проживший в сельской местности, Ажгибков не проявлял большого интереса ни к традиционной культуре, ни к фольклору родного края. Тем не менее среди заметок этого сельского интеллигента в первом поколении можно обнаружить следы саморефлексии традиции — в его краеведческих работах и «Рассказах бабушки Вари». Интересно отметить, что эти повествования выполнены в характерной стилиевой манере — в форме воспоминаний свидетелей событий. В отличие от литературного приема, имитирующего объективность авторского повествования, в нашем случае Ажгибков действительно производит запись рассказов своих информантов.

Насколько эти записи аутентичны? Вопрос остается открытым. То, что они литературно обработаны и в большей или меньшей степени композиционно подчинены воле составителя, Ажгибков даже не скрывает. Сознательно или бессознательно он дистанцируется от традиционного текста, представляя его для себя «чужим». Однако повествования Ажгибкова, несомненно, обладают свойством, которое позволяет относиться к ним как к попытке местного бытописания, отличающегося от подобных опытов профессиональных литераторов гораздо большей степенью инклюзивности и точностью деталей в описании нравов, быта, культурного и природного ландшафта описываемого края.

В данном номере журнала публикуются некоторые очерки из «Рассказов бабушки Вари» (1993) — сборника рассказов, записанных Ажгибковым от Варвары Алексеевны Широких, 1901 г.р., которая также жила в Каргопольском доме-интернате. По характеру эти тексты, которые преимущественно носят фольклорный характер, можно разделить на религиозные легенды, былички, анекдотические и новеллистические истории. За пределами публикации остаются бытовые истории из жизни односельчан и знакомых «бабушки Вари».

Изложение рассказов В.А. Широких не просто оформлено Ажгибковым литературно; он дополняет эти рассказы собственными комментариями и воспоминаниями, привносит свое личное отношение к излагаемым историям (например, подвергает сомнению достоверность некоторых рассказов). Особенно явно это проявляется в изложении религиозных сюжетов, что отчасти позволяет раскрыть мировоззрение самого повествователя. Он, безусловно, неверующий, и ему даже понадобилось оговаривать религиозность своей информантки: «Ее отец долгие годы служил церковным старостой. Она же еще малой девочкой

пела в церковном хоре. Могла ли она быть атеисткой? Поэтому так усердно молится и теперь ежедневно, утром, днем и вечером» (с. 24). Чудесное в легендах он непременно стремится объяснить рационально: например, исцеление слепого объясняет силой его веры, историю о том, как Александр Ошевенский «отвел» воду от деревень Большой и Малый Халуи, — «шуткой» природы; излагая рассказ о Божьей каре за кощунство, предполагает, что кирпич был сброшен на богохульника порывом ветра или чьими-то руками; прозорливость «дедушки-провидца» объясняет его мудростью, приобретенной благодаря жизненному опыту. Иногда вполне в духе советской атеистической печати Ажгибков может вставить шпильку в адрес сферы сакрального. Например, вместе с героем истории — ошевенским мужиком посмеивается над «строгим и злым» священником, наложившим на того эпитимью: мол, в семье священника трое кривых, Бог знает, кого наказать! (с. 26); комментирует легенду об Александре Ошевенском: «Похоже, Ошевенский угодник божий был злой и мстительный человек. Деревни наказывал...» (с. 10). В то же время по большей части священники описываются им вполне нейтрально, а вера — чуть ли не уважительно (если, конечно, не считать очерка о баптистах — «самой злой и жестокой вере»); «воинствующие безбожники» и вовсе вызывают у него плохо скрываемое отвращение (см. рассказ о разграблении Челмогорского монастыря).

Ажгибков дает собственную оценку историям и их героям: например, в не вошедшем в публикацию рассказе о жившем при монастыре инвалиде Дмитрие Тарасове подчеркивает, что тот «не был тунеядцем» и «труд его спасал» (с. 28, 29)¹²; а один также не вошедший в публикацию бытовой рассказ носит показательное название: «О хаме и тунеядце» (с. 11—12). Эмоциональным отношением проникнуты рассказы о якобы отравивших женщину баптистах и «загубленной жизни» неудавшейся «схимницы». Часто в изложение рассказов «бабушки Вари» вклиниваются рассуждения и воспоминания самого Ажгибкова. Например, передавая рассказ о Дмитрие Тарасове, он вспоминает о своей собственной встрече с ним. За легендой о том, как Александр Ошевенский «отвел» воду, следует (уже от лица Ажгибкова) очерк «Омут» (с. 9—10) — воспоминание о том, как в 1929 г. учитель естествознания, физики и химии водил своих учеников из школы крестьянской молодежи на место, где река «уходит под землю»; очерк начинается со

слов: «Об удивительном же омуте Варя ничего не говорила, но он тоже достоин внимания». Рассказ о том, как семья Бахваловых, зарабатывавшая изготовлением извести, «заболела глазами», но исцелилась, по обету построив часовню, содержит вставку-воспоминание о гашении извести. Так голоса краеведа-бытописателя и его информанта сливаются в едином повествовании.

Тексты публикуются с исправлением пунктуационных и заведомых орфографических ошибок; особенности речи сохраняются; авторские подчеркивания сохраняются; вставки публикаторов даются в квадратных скобках.

Примечания

¹ См.: Власов А.Н., Комелина Н.В., Васкул А.И. Фольклорная экспедиция ИРЛИ 2007 г. // Русский фольклор. Т. 33. СПб., 2008. С. 510—514.

² На обратной стороне его последнего рисунка «Иисус Христос» написано прощальное обращение: «До свидания, река Вага, сосновые красивые боры, белые грибы. До свидания, добрые люди Верховажья и мои хорошие ученики. Последний поклон всем! Дни и часы мои уже сочтены, не осталось никаких надежд на выздоровление» (Завьялова А.В. Творчество наивных художников как отражение национальной самобытности русской души (по материалам Верховажского районного исторического музея Вологодской области) // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вып. 1. Вельск, 2002. С. 125).

³ Завьялова А.В. Т.В. Ажгибков и его рукопись «Родословная крестьянской семьи Головачевых — Дружининских, II половина XIX — I половина XX в.» // Важский край... Вып. 2. Вельск, 2004. С. 239—240.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Завьялова А.В. Творчество наивных художников... С. 123.

⁶ Книжная коллекция была подарена районной библиотеке перед отъездом в Каргополь.

⁷ Завьялова А.В. Т.В. Ажгибков и его рукопись... С. 239.

⁸ Там же. С. 240—244.

⁹ «Верховажье в конце XIX — начале XX вв. (социальный и культурно-бытовой очерк 22 года жизни 1895—1917 гг.)». С. 1. (Рукопись без шифра.)

¹⁰ См. публикации отрывков в: ЖС. 2009. № 1. С. 11; ЖС. 2009. № 2. С. 13—14.

¹¹ Завьялова А.В. Творчество наивных художников... С. 122.

¹² Ср. схожий комментарий в истории «бабушки Вари» об одноруком охотнике: «Он паразитом за чей-то счет никогда не жил!» (ЖС. 2009. № 2. С. 14).